

Метафора в процессах миромоделирования в языке и тексте

В статье исследуется специфика смысловой структуры языковой метафоры в функциональном аспекте. Определяется, как смысловое своеобразие метафорической номинации влияет на характер ее включения в процессы формирования языковой картины мира. В качестве основных специализирующих признаков метафоры выделяются: смысловая двоякость, соединение различных когнитивных пластов в метафорическом значении. Прослеживается организация базовых метафорических моделей в языке и тексте.

В ряду актуальных проблем межкультурной коммуникации проблема специфического этноязыкового миромоделирования занимает особое место в силу базисности этого типа моделирующего отражения действительности, в силу того что язык опосредствует создание и применение всех других знаковых систем, выступающих в качестве основных носителей культуры народа. Вместе с тем специфика именно языкового миромоделирования отрефлексируется современной наукой в меньшей степени, по сравнению с философской, художественной и другими системами.

Проблематика специфики языкового отражения мира весьма многомерна, и один из ее аспектов – вопрос о миромоделирующем потенциале различных языковых единиц. Как представляется, важно видеть, с одной стороны, единство всех элементов в процессах языкового отражения, с другой стороны, различный тип включения в процессы миромоделирования единиц разных языковых подсистем, различных функциональных классов в пределах одной подсистемы и т.д. В настоящее время достаточно прочно укоренилось представление о ведущей роли лексики и грамматики языка в формировании специфической смысловой сферы языков.

Предметом данной статьи является обсуждение специфичности процессов миромоделирования в метафорических языковых единицах, реализация моделирующего потенциала в структурах языка и текста.

1. Как представляется, в ряду «синхронно непроемкая номинативная единица – производная номинативная единица – метафорическая номинация» – к каждой последующей единице идет наращивание моделирующего потенциала.

Как было отмечено еще в работах философов-рационалистов, сам факт именования словом является свидетельством выделенности данного феномена в культуре народа. Значимым может быть как сам факт именования, вследствие чего, как отмечал В.Г. Лейбниц, «в одном языке встречаются слова, не имеющие соответствующих слов в другом языке...» [1, с. 303] (ср. также блистательно проанализированное А. Вежибицкой русское слово *пошлость*, отражающее своеобразный феномен русской духовной жизни [2, с. 268 - 269]), так и богатство синонимических рядов, выступающих в качестве яркого показателя так называемой «культурной разработанности» каких-либо феноменов культурной жизни.

Производное слово фиксирует не только значимость данного поименованного феномена для культуры народа, но во внутренней форме фиксирует способ познания данного явления в процессе его наименования. Как было отмечено еще В. Гумбольдтом, разные имена не являются «эквивалентом чувственно воспринимаемого предмета, но пониманием его, закрепляемым в языке посредством найденного для него слова» [3, с. 85]. Называя один и тот же предмет *смородиной* или *кислицей* (диал.), мы выделяем в этом предмете разные признаки, актуализируем их, через их посредство фиксируем целостный предмет. Исследование системы внутренних форм лексики народа дает представления о специфических путях познания явлений, предметов разных классов, присущих данной культуре. Таким образом, производное слово обладает большим моделирующим потенциалом по сравнению с непроемким словом.

Специфика миромоделирующей силы метафорической номинации предопределяется особенностями ее семантической структуры. Практически все теоретики метафоры, хотя и в разном терминологическом оформлении, выделяют в структуре метафорического

смысла своеобразное сдвоение исходного и результирующего образов (исходного и результирующего значений, базиса и фокуса метафоры и т.д.) через сложное единство модусов отождествления/уподобления, например, *осел* – это не просто «глупый человек», но «глупый человек, в этом своем качестве уподобляемый ослу». Как представляется, определенной, относительно самостоятельной миромоделирующей силой выступают все три элемента смысловой структуры метафорической номинации. При этом следует подчеркнуть момент относительной самостоятельности каждого из элементов, так как специфика их миромоделирующего потенциала выявляется только во взаимных отношениях. Исходное и результирующее значения выступают в качестве своеобразных призм, фокусирующих смыслы друг друга, как призмы, актуализирующие нечто в целостных гештальтах соотносимых единиц.

Во-первых, безусловно значимым для исследования специфического этноязыкового отражения мира является исследование системы метафорических наименований, систем результативных значений метафорических переносов. Так как метафорические единицы в подавляющем большинстве своем выступают в качестве средства вторичной номинации, они образуют некие синонимические ряды вариативных обозначений одного явления, предмета внеязыковой действительности. Основания метафорических уподоблений (база метафоры, исходное мотивирующее значение), образуя некую систему призм, через которую интерпретируется именуемый фрагмент действительности, выявляют набор ментальных конструкторов, фрагменты ментально-языкового поля данной культуры, особенности эмоциональной и интеллектуальной интерпретации какого-либо явления. Ср., например, образы беспокойной совести, формируемые метафорическими рядами: *совесть грызет, совесть заговорила, укоры совести, совесть нечиста, совесть терзает* и т.д. Метафоры высвечивают разные образы совести, различные типы эмоционально-оценочного отношения к этому эмоциональному состоянию человека.

Во-вторых, подчеркнем, что результирующее, производное, собственно метафорическое значение также может интерпретироваться в качестве своеобразной призмы, высвечивающей культурно значимые смыслы исходных баз метафорических номинаций. Их систематическое исследование, описание метафорических номинаций с точки зрения систем оснований метафорического уподобления также может быть весьма информативным для выстраивания ментально-языкового поля русскоязычной культуры. Так, например, система зооморфных метафор является ярким показателем наличия образно-эмоционального отношения к одним животным (в русской культуре – *волк, медведь, собака, осел, ишак, шакал, слон, лиса, заяц, мышь, крот* и др.) и отсутствия или слабой представленности образно-языковой интерпретации других животных, таких как *тушканчик* или *гиппопотам*. Последний пример ярко свидетельствует о том, что речь идет именно о вербально-смысловых системах аналогических уподоблений. Сравним в этом аспекте различие образных уподоблений слов *бегемот* и *гиппопотам*, *осел* и *ишак*. Различия исходных значений, обладающие разным потенциалом метафорического развития, формируются в процессе длительного существования культуры, фиксируя в составе глубинных смыслов элементы древних мифологических представлений об объектах, отражая включенность или невключенность в целостную мифологическую систему воззрений предмета в единстве с его именованием (как известно, в мифологическом мировидении имя и предмет составляют единый неразложимый комплекс). В образной языковой системе русского языка *бегемот* присутствует, а *гиппопотам* – нет; предметно-вербальные единства *ишак* и *осел* включены в эту систему мировидения по-разному, так как слово *осел* обозначает не только вполне определенный класс животных, но и существующую в обществе мифологему этого животного как глупого и упрямого, слово же *ишак* соотносится с мифологемой много работающего животного.

Таким образом, метафора обращает исследователя именно к культурно значимым смыслам, совокупностям образов, мнений, «заблуждений», мифологем, связываемых с каким-то конкретным объектом. В метафорическом зеркале выявляются собственно языковые смыслы исходных значений соответствующих имен, порой в определенном

смысле противоречащие так называемой энциклопедической информации (ср. объективные признаки осла, медведя, к примеру, и мифологемы, с этими животными связанные).

С другой стороны, наличие в языке общей модели зооморфного аналогического уподобления человека является основой возможности имени любого животного быть вовлеченными в сферу метафорического осмысления. Такова креативная сила метафорической модели.

И, наконец, в-третьих, значительную диагностическую силу в аспекте языкового миромоделирования имеет выявление типов соотнесения исходных и результативных семантик в метафорических моделях, т.е. исследование самих метафорических моделей. Ср., например, типологию пространственно-временных метафорических обращений, характерных для языков индоевропейской семьи, в том числе и для русского языка: *течение реки – течение времени, остановился человек – время остановилось, долгий путь – долгие часы, птица пролетела – время пролетело незаметно, обогнать поезд – обогнать свое время*. В приведенных примерах пространственное передвижение в мире физических предметов моделирует ментальную сферу временных изменений и свойств.

Анализ метафоризирующих значений, исходных баз метафорического уподобления, описание типовых моделей метафорического уподобления приводит к выявлению их сложной внутренней организации, систематизирующим началом которой выступают отношения элементов глубинной семантики единиц одного семантического поля. На этом основании выстраивается идея базисных метафор в концепции Дж. Лакоффа, и М. Джонсона [4]. Базисные метафоры организуют поле языковых и речевых метафор на основании разного рода метонимических, родовидовых, аналогических отношений исходного значения метафорического переноса, т.е. системы его внутри- и межфреймовых связей. Недаром в роли таковых у названных авторов анализируются прежде всего имена ситуаций: *война* в структуре базисной метафоры «спор – это война», *путешествие* (любовь – это путешествие) и т.д. Метафоризирующее имя, основание метафорического переноса *война*, объединяет совокупность типовых включенных ситуаций, объединенных логико-метонимическими связями, каждая из ситуаций объединяет на основании ролевых соотношений предметы и явления. В свою очередь, каждый из этих элементов, отношений в пределах метонимически объединенных ситуаций потенциально может являться основанием метафорического переноса для элементов метафорического поля «спор».

В роли базовой метафоры соответствующего метафорического поля могут выступать и имена денотативной семантики, являющиеся элементами соответствующих типовых ситуаций. Так, на наш взгляд, организовано метафорическое поле с базисной метафорой «человек – это зверь (животное)». В поле объединяются метафоры с основанием метафорического переноса – именами видов конкретных животных (*бегемот, собака, пес, коза, крыса, змея и под.*), их действий (*рычать, таякать, шипеть, куковать*), проявления их признаков (*ежиться, ошестиниться*), частей их тела (*копыта, когти, лохмы, щетина, чешуя, клюв*), особенностей их поведения (*зарываться в нору, спать в берлоге, вить гнездо и т.д.*), в метафорическое поле вовлекаются имена мест обитания (*берлога, норы, гнездо и под.*). Структура связей базисной метафоры отраженно повторяется в структурах ее частных воплощений.

Так, более конкретной реализацией метафорической модели «человек – это животное» является ее вариант «человек – это птица». Эта модель порождает сложно организованную систему метафорических переносов. Связи внутри этой системы определяются, во-первых, наличием отношений с другой базовой моделью «пространственная вертикаль – ценностная вертикаль человеческих проявлений», задаваемой архетипическим противопоставлением «верх-низ». Птица связана со смыслами верха в этой базисной в европейской культуре ценностной оппозиции. Связь с семантикой «верх» в данном архетипическом противопоставлении определяет направленность, в первую очередь, положительную оценочную направленность метафорических переносов базисной метафоры «человек – это птица». Эта метафора реализуется в русском языке как конструктивно связанное, обусловленное значение, встречается в конструкции «что за...!»

либо в сочетании с оценочными частицами и неопределенно-личными и указательными местоимениями в оценочной функции, актуализирующими смысл «необычный», «из ряда вон выходящий», «своеобразный», ср.: *Розанов все ломал голову, что бы это за птица такая этот либеральный Соловейчик (Лесков); Тоже ведь не кто-нибудь я, а коллежский регистратор — вон какая птица, тебе не выговорить (Л. Андреев)**

Внутреннее направление развития метафорической модели имеет два вектора: по линии видовой конкретизации (*птица* → *орел, лебедь, птенец, воробей, воробышек, ласточка*) и по линии метонимического расширения (*птица* → *летит, оперилась, квохчет, гнездо, стая*), соединяются связи родо-видовой и метонимической конкретизации в метафорах типа *птица* → *небесная птица, перелетная птица, стреляная птица, заморская птица*.

Метафоры первой линии базируются на устойчивых образных представлениях о соответствующих видах птиц, на образах мифологии, связанных с некоторыми видами птиц, в ряде случаев основываются на символических смыслах, например, *орел* – «воин-победитель», «бравый человек», «гений»: *За стаю орлов двенадцатого года С небес спустился к нам стая лебедей (Майков); Инженерные командиры были у нас. Правда, все хорошие: при мне сменилось их трое или четверо; да все не нажить уж такого, — говорили арестанты, — орел был, орел и заступник (Достоевский); Да, гений мудр и светозарен, Среди бескрылых — он орел (Северянин); павлин* – «вычурно, безвкусно одетый человек, скрывающий под ярким обличем внутреннюю пустоту»: *О пышность! Как ты ослепляешь! И барин без ума — павлин (Державин)*.

Обращение к художественной речи может выявить и наличие устойчивых, однозначных ассоциаций образом какой-либо птицы в культуре, как в приведенных выше примерах, и вариативность образного развития, актуализацию разных аспектов восприятия, ср., например, образы *совы*: «хищник» – *Не помоги я вам, так уж тут смерть моя, Варенька, тут уж чистая, настоящая смерть, а помоги, так вы тогда у меня улетите, как пташка из гнездышка, которую совы-то эти, хищные птицы заклевать собрались» (Достоевский)*, «холодная мудрость», «ночной человек»: *Глядя на него, можно было проверить всю истинность слов Бэкона Веруламского о людях, которые вследствие преобладания философского настроения, делаются совами, видящими только во мраке своих умозаключений и слепотствующими при свете дня (Лесков)*, «внешне непривлекательный, похожий на сову»: *Фу, сова! Сидит разиня рот, смотрите: сова, сова настоящая, сычиха в новых лентах (Достоевский)*.

Значения многих имен птиц включают символические компоненты, метафорические переносы могут основываться как при доминировании символических смыслов, так и в условиях разделения символической и несимволической метафорической мотивации. Так, например, имя *кукушка* развивает метафорические переносы на основе символических смыслов «прорицание» (ср.: *Во всем эта кукушка виновата, вы понимаете, о ком я говорю: об ней, об ней! — и Катерина Ивановна закивала ему на хозяйку.. (Достоевский)*) и смыслов, основанных на образах восприятия птицы: *Кукуешь ты кукушкою унылой, а надобно б орлицей клетать (Рылеев)*.

Метафорическое использование образов голубя, голубки, горлицы основывается преимущественно на основе актуализации символических смыслов любви, так как актуализируется и «обычное в народной символике представление о женихе — невесте, муже — жене, брате — сестре как о голубе с голубкой, связанное с тематикой любви..», и идущие от средневековой христианской литературы символические образы «чистоты, целомудрия, супружеской верности и кротости» (В.А. Андрианова-Перетц, цит. по: [5, с.54 - 55]): *Доброй ночи тебе, сердце мое ненаглядное, голубь горячий мой, братец родной! (Достоевский)*, *За Отрока — за Голубя — за сына, За царевича младого Алексия Помолись, церковная Россия! Очи ангельские вытри, Вспомяни, как пал на плиты Голубь углицкий — Димитрий! (Цветаева)*.

* Здесь и далее во фрагментах текста, посвященным метафорическим образам птиц, примеры извлечены из [5].

Второй вектор развития основывается на метонимических связях слова *птица* и его видовых коррелятов.

Первый круг метонимического расширения метафорического поля этого вектора – выстраивание метафорических образов на основе имен действия, признаков, а также частей целого. Базисная модель «человек – это птица» конкретизируется таким образом: «признаки, состояния человека – это признаки, состояния птицы», «действия человека – это действия птицы»: *Получил он свое воспитание в Москве, сперва на счет какого-то дяди, а потом, когда оперился, на счет одного богатого князька (Тургенев); Наденька была уже далеко и щебетала, окруженная своими подругами (Салтыков-Щедрин).*

Второй круг метонимического расширения метафорической модели – предметы, связанные с птицами, модель трансформируется таким образом: «человек – это птица» → «части тела человека – это части тела птицы»: *Вы два цветка, Вы крылья птицы Сири (Семеновский); Руки у него были совершенно чужие, ненужные: куцые пингвины крылышки (Замятин); «человек – это птица» → «жилище человека – это гнездо птицы»: Сгорело ты, гнездо моих отцов! (Некрасов).*

Таким образом, метафорические поля организуют единства на основе и отношений подобия, и отношений смежности. Регулярность реализации конкретных метафорических моделей в пределах поля, активность текстового использования метафор является основанием отнесения их к ядерной части поля. И все-таки большая степень выделенности какого-то явления, его прагматической актуальности, вне- или конситуативной значимости обуславливают только наличие больших шансов в реализации соответствующей метафорической модели на основе данной единицы, по сравнению с единицами периферийными, но не более того. Существенно важным при этом является их внутреннее смысловое единство, задаваемое базисной моделью.

Существование подобных метафорических полей опровергает мнение о прихотливости метафоры, ее значительно меньшей регулярности, нежели системы метонимических переносов. В организации метафорических полей существенно важные организующие функции выполняют именно метонимические связи метафоризирующих имен в пределах соответствующих фреймовых и межфреймовых структур. Окациональность, «свежесть», нестандартность ряда авторских метафор часто объясняется тем, что в процесс метафорического уподобления вовлекаются периферийные элемента соответствующего элемента поля. Так, например, авторская метафора В.Набокова в рассказе «Весна в Фиальте» *Вновь и вновь она впопыхах появлялась на полях моей жизни, совершенно не влияя на основной текст. Раз, когда моя семья была на даче, а я писал, лежа в постели, в мучительно солнечную пятницу, (выколачивали ковры) я услышал ее голос в прихожей...* является окказиональным элементом обширного метафорического поля в системе русского языка, который можно обозначить как «жизнь – это текст». Эта метафорическая модель входит в состав более общих метафорических моделей «жизнь – это книга», «жизнь – это произведение искусства». Так, в семантике исходного метафоризирующего элемента книга метафорической модели «жизнь – это книга» оказываются соотнесенными содержательный аспект «жизнь – это текст» и аспект «материальный носитель информации – произведение печати в виде сброшюрованных, переплетенных вместе листов с каким-либо текстом». Каждый из аспектов служит основанием развития некоего метафорического подполя, соотнесенного с другим естественным образом. Аспекты внешнематериального выражения информации в этой метафорической модели служат основанием образного представления внешних, скрывающих сущность жизни действия, поступков, фактов человеческой жизни: *Яркие обложки наших жизней скрывают много блеклых будней; Но не будем говорить о нем. Это печальная страница моей жизни (Чехов).* Собственно содержательные характеристики проживаемых жизней или их фрагментов метафорически представляются в образах жанров: *Ей вспомнилась теперь повесть их короткой любви – от первой встречи до того дня, когда она увидела, как падал с высоты самолет (Саянов).*

Один из существенных аспектов смысла фреймового единства, вводимого словом книга, является именно соотнесенность внешнего, материального и внутреннего,

содержательного. В приведенном фрагменте рассказа В. Набокова прочтение слова поля «узкие полоски по краю листа в книге, рукописи и т.п., оставляемые свободными от текста» как метафорического образа в словосочетании *на полях моей жизни* определяется соотносительностью с фрагментом «совершенно не влияя на основной текст», относящим окказиональную метафору к породившей ее узуальной, базовой метафоре «жизнь человека – текст произведения».

Тексты проявляют реальность и межфреймовых связей в реализации базовых метафорических моделей. Так, метафорическая модель «жизнь – это текст» через реализацию «жизнь – это сценарий» пересекается с другой базовой метафорической моделью – «жизнь человека – это театр», обе модели являются частными реализациями более общей метафорической модели «жизнь человека – произведение искусства», включающей в качестве важного смыслового компонента образ некоего Архитектора жизни (судьба, Создатель). Так, в произведениях В. Набокова мы находим широкий спектр такого рода метафорических образов, например: «проживание жизни – это игра в спектакле» – ... *она так усмехнулась, что будто я плоско пощупил или, подробнее, как будто все эти города, где нам рок назначал свидания, на которые сам не являлся, все эти платформы, и лестницы, и чуть-чуть бутафорские переулки, были декорациями, оставшимися от каких-то других доигранных жизней и столь мало относившимися к игре нашей судьбы, что упоминать о них было безвкусно* («Весна в Фиальте»), «проживание жизни – это исполнение музыкального произведения»: *Я с удовлетворением отмечаю высшее достижение Мнемозины: мастерство, с которым она соединяет разрозненные части основной мелодии, собирая и стягивая ландышевые стебельки нот, повисших там и сям по всей черновой партитуре* былого («Другие берега»), «жизнь – это картина»: *Обнаружить и проследить на протяжении своей жизни развитие таких тематических узоров и есть, думается мне, главная задача мемуариста* («Другие берега»). Соотносительность частных моделей в составе более общей доказывается наличием актуализаций такого соотношения в пределах одного текстового фрагмента, ср.: ... *и тогда мне, шестилетнему, довелось впервые по-настоящему испытать древесным отдающий восторг возвращения на родину – опять же, милость судьбы, одна из ряда прекрасных репетиций, заменивших представление, которое, по мне, может уже не состояться, хотя этого как будто требует музыкальное разрешение жизни* («Другие берега»).

2. Своеобразие миромоделирующей силы метафорической номинации определяется и еще одной чрезвычайно важной особенностью структуры метафорического значения.

Смысловая структура целостного метафорического значения может быть аспектирована и на других, нежели рассмотренные ранее, основаниях: по типу гносеологических типов отражения. В этом аспекте метафора предстает как диалектическое единство взаимопроникающих и взаимоопределяющих существование друг друга элементов логического, до- и постлогического отражения.

Предлогическое в метафоре – это преобразованный опыт нашей телесной жизни, ощущений, физической активности, в основе своей доязыковой, первая исходная база логической интерпретации языком, и представлена она прежде всего лексикой с конкретно-предметными значениями, создающими базу метафорического переосмысления сферы абстрактного. Смысл метафорической номинации в этом аспекте может быть проинтерпретирован как языковой способ «возвращения» человека к первичности его телесных ощущений, что обусловливается сосуществованием в реализации планов первичного перцептивного образа и вторичного, логического.

Яркие образцы подобного соотношения представляют метафоры со стершимися образами, поэтические штампы, например, *жар поцелуя*. В этой метафоре предметно-чувственный образ физического ощущения жара (предлогические основы формирования метафорического образа) входит в ближайшую периферию значения и свободно актуализируется в контекстах, обращающих читателя к исходным образам метафорического уподобления через обозначение смыслов, каким-либо образом соотносимых с элементами метафоризирующего фрейма, фрейма исходного значения.

Так, например, в тексте «Камеры обскура» В. Набокова можно наблюдать эффект своеобразной окказионализации метафоры за счет «возвращения» метафорического образа к исходному смыслу: метафорическое уподобление возвращается в тексте к своим истокам – мифологическому тождеству сопоставляемых образов: жар любви утоляется прикладыванием холодных листьев подорожника, а пламя запретного поцелуя сияет ореолом, который можно увидеть: *Кречмар мог до некоторой степени успокоить ее /Магду/, утолить жар, как те прохладные листья подорожника, которые так приятно прикладывать к воспаленному месту; Пламя этого поцелуя осталось при нем и вокруг него, будто смутный цветной ореол, в котором он вернулся домой и который он не мог оставить в передней, как шляпу, и, войдя в спальню, он недоумевал, неужто жена не увидит по его глазам, что случилось.*

Подобный же прием мы можем наблюдать в рассказе В. Набокова «Круг». Языковая метафора *углубиться в воспоминания* в контексте рассказа разворачивается в сравнение и обращается к своим истокам – к прямому смыслу толщи воды: *Сидя в кафе и все разбавляя бледнеющую влагу струей из сифона, он вспоминал прошлое со стеснением сердца, с грустью /.../ – а если еще углубиться, можно вспомнить, как снесли старую школу в конце села и построили новую.. Да, он чувствовал себя суровым плебеем, его душила ненависть (или казалось так), когда, бывало, смотрел через реку на заповедное, барское, кондовое, отражающееся черными громадами в воде ...*

До какой глубины спускаешься. Боже мой! – в хрустально-расплывчатом тумане, точно все это происходило под водой, Иннокентий видел себя младенцем, входящим с отцом в усадьбу, плывущим по дивным комнатам, отец движется на цыпочках, держа перед собой скрипучий пук мокрых ландышей, – и все как будто мокро – светится, скрипит и трепещет.

Сверхлогический слой метафорического значения – это смыслы символические, элементы коллективного бессознательного. Аккумулируя глубинные слои знания, трансформировав опыт человека в символные структуры, миф входит в смысл естественного языка в том числе и через метафору. Актуализация этих смыслов может происходить в ближайшем контексте метафоры. Вернемся к метафоре *углубиться в воспоминания* в тексте В. Набокова, в котором актуализация исходного метафорического смысла воды является одновременным обращением и к предметно-чувственному опыту человека, и введением, актуализацией мифологических смыслов воды как «символа бессознательного, т.е. неформальной, динамической, мотивирующей, женственной стороны личности...», как символического обозначения возможности перехода «от потенциального к актуальному», «возврата к преформальному состоянию» [6, с.115 – 116], смыслов, столь существенных для воплощения художественного образа.

Эти слои переплетены и определяют реализацию друг друга в целостном метафорическом значении. Логическое рождается как осмысление ощущений, сверхлогическое вытекает, базируется на первых двух, своеобразным образом в них отражаясь и трансформируясь.

Таким образом, метафорическая модель через систему внутри- и межфреймовых связей источника метафоризации не только способна задать модель интерпретации целых фрагментов жизни, но и осуществляет это моделирование своеобразным способом, являя особый тип сочетания логических и эмоционально-образных смыслов. Метафора – действенный механизм своеобразного возвращения отвлеченных логических понятий к их конкретно-чувственному основанию, механизм возвращения абстракций к конкретно-чувственной, дологической памяти. Именно это сочетание функциональных возможностей метафоры является одним из важных оснований ее активного использования в агитационно-политическом дискурсе. Обратимся к активно используемой в политических текстах разного уровня (в том числе и, как помним, ставшую основой рекламной кампании политического движения) метафорической модели «страна, государство – это дом», воплощенную в разных вариациях как в базовой структуре («Россия – это дом», «город – это дом»), так и порождаемых ее частных

вариантах.^{**} Эта модель на основе тесных метонимических связей метафоризирующего фрейма «дом» с фреймом «семья» активно взаимодействует с моделью «государственные отношения – семейные отношения». В современной политической фразеологии элементы второй модели в текстах более имплицитны, скорее вводятся через посредство модели «государство – это дом». Метафоризирующий фрейм «дом» развивает две линии метафорических переносов, первую – на основе актуализации смыслов дом – «помещение для проживания». Второе направление развития метафорической модели: дом – это место проживания семьи, дом – это семья.

Эта целостная модель позволяет прочувствовать некую отвлеченную абстракцию государственного устройства или, к примеру, административного городского управления в образе интуитивно понятного домашнего мира, семейных отношений. Во-первых, абстракция переведена в конкретно-чувственный образ, имеющий надежную дологическую основу, опирающийся на существующую (и культивируемую в обществе) мифологию семьи. Во-вторых, модель восприятия государства как дома моделирует систему государственных отношений по образцу семейных, основой которой является авторитет родителей и линия вертикальной власти. Система социальных отношений моделируется по образцу генетической и возрастной иерархии, авторитет родителей определяется «мифологически», «прецедентно»: отца и мать уважают вследствие самого факта рождения от них, их возрастного преимущества, порождающего прочие превосходства. В данную иерархию человек попадает изначально, от рождения, она воспринимается как естественное мироустройство, не подвергаемое в норме критическому осмыслению. Современное восприятие семьи опирается на сложную мифологию, воплощенную в конкретных мифологических сюжетах (ср. возвращение блудного сына), отраженную в прецедентных текстах культуры (родителей не выбирают).

В пределах этого метафорического пространства моделируется и система «горизонтальных» отношений, в метафорах «братья и сестры», и линия внешних отношений, семьи и «несемьи» как мира «чужого». Отмеченная А.П. Чудиновым активность использования метафоры семьи и дома для моделирования государственных отношений в весьма различные исторические эпохи Российской истории основывается и на том, что образная структура данной базисной модели опирается как на систему мифологем, связанных с образом традиционной семьи, так и на образ новой, «советской семьи со всеми ее внутренними противоречиями» [7, с. 78–79].

3. Конститутивная важность метафоры для формирования смыслов в системе языка находит непосредственное отражение в процессах текстообразования. При таком подходе к текстовым проявлениям феномена метафоры исследовательский фокус перемещается с результативного аспекта ее рассмотрения к функциональной интерпретации. Интерес сосредоточивается на изучении специфических механизмов метафорического отражения и регулирующих механизмов метафорической интерпретации фрагментов мира в различных типах текста в комплексном текстовом миромоделировании.

В дальнейшем мы говорим о текстопорождающей потенции метафоры в смысле возможности ее влияния на тип развития формально-смысловой структуры текста, на появление в тексте определенных смыслов, актуализацию определенных образов.

Развитие формально смысловых связей при заполнении структуры порождаемого высказывания в тексте осуществляется по стохастической, вероятностной модели: каждое используемое слов при заполнении синтаксической структуры с определенной долей вероятности предполагает, вызывает к использованию слово (единицу) из ограниченного набора, задаваемого его ассоциативным потенциалом. Ассоциативный потенциал определяется в первую очередь лексическим значением слова. При этом такие свойства значения, как его производность, мотивированность другим словом, тип такой мотивированности, могут влиять на направленность смысловых связей текста. Например, такую зависимость можно проследить на примерах использования производных имен во фрагменте рассказа К. Паустовского, проанализированного нами ранее в другом аспекте

^{**} Полный анализ модели в системе внутри- и межфреймовых связей см. в [7, с. 152 – 162].

[8, с. 143]: *В проходящем по пригородному лесу поезде едут грибники, ягодники, охотники; женщины поют /.../ когда женщины замолкли, **оборванный охотник** в обмотках из солдатской шинели сказал вполголоса своему спутнику: – Споем и мы, Валя? Как думаешь?.. **Оборванцы запели...** Женщины слушали **певцов**, покачивая головами от удивления. Певцы замолкли. Потом мы расспросили певца, кто он такой. Он назвал себя колхозным счетоводом из-за Оки.* Язык обладает огромным количеством имен, определяющим разные аспекты внешнего вида, статуса, профессии, а также широким спектром различных ситуативно значимых проявлений человека. Выбор именования определяется ситуативной актуализацией признаков и связанной с ней и ее определенным способом отражающей ассоциативностью имен. В данном случае признак, обозначенный в предтексте – «оборванные охотники», вызывает появление в тексте имени *оборванцы*, описание действий – *оборванцы запели* определяет их именование дериватом *певцы*.

Своеобразие метафорической лексической единицы в этом смысле характеризуется весьма специфической способностью к предопределению развития формально-смысловой структуры текста, обусловленной спецификой ее формально-смысловой структуры. Во-первых, сдвоенностью образной структуры, дающей потенциальную возможность текстовой актуализации как одной из сторон исходного или результативного образа, так и их одновременной текстовой актуализацией.^{***}

Во-вторых, специфика текстового включения метафорической номинации определяется многоплановостью смыслов, вводимых метафорической номинацией.

Метафорические номинации могут влиять на развитие образной структуры текста по двум направлениям.

Текстопорождающей может быть модель метафорического переноса как некое формально-смысловое целое. Введение первой метафоры может вызвать к жизни в данном тексте ряд метафорических номинаций, созданных по сходной модели, в результате создаются парадигмы метафорических образов, совершенно определенным образом структурирующих художественную структуру текста. Как отмечалось, В.Набоков в романе «Камера обскура» для обозначения запретного, губительного чувства героя, его интенсивности использует языковые метафоры *жара, огня, пламени*. Эти метафоры обладают сюжетоструктурирующей силой, они входят в парадигму метафор, строящихся по антонимическому принципу: *жар, огонь, пламя* – это метафоры, создающие образ чувства Кречмара к Магде, им противостоят образы *прохлады, прозрачности мира* Аннелизы. Это противопоставление – одна из образных граней текстовой антитезы метафорических образов двух *жизней, двух миров, жизни и судьбы, картины (прекрасного) и карикатуры*.

Текстовая реализация парадигматических связей метафор проявляется на разных уровнях: как парадигма языковых метафор, созданных по одной конкретной модели метафорообразования, в которую включается: семантическая группа исходного (метафоризирующего) значения, семантическая группа результирующего значения, тип ассоциаций (метафоры *жара, огня, пламени*). Их парадигматичность этих метафор выявляется на фоне текстовых реализаций языковых метафор, с одной стороны, а с другой – на основе единства глубинных семиотических моделей смыслоформирования, как проявление семиотических моделей культуры.

Кроме того, каждая из сторон метафоры получает возможность самостоятельного действия в процессах текстопорождения.

Как отмечалось, появление метафоры в тексте – это всегда появление сдвоенного образа, представляющее нечто через призму исходного значения.

Метафорический образ возвращает, обращает нас к исходному значению (пока метафора жива, живо сдвоение образов, исходный смысл – текстовая реальность, существующая как некий фон). Этот исходный метафоризирующий образ может остаться в статусе своеобразного фона результирующего значения, углубляющего его образную

^{***} Н.А. Кожевникова отмечает «двойственный характер смысловых связей, которые исходят то от прямого значения слова, то от его метафорического соответствия» [9, с. 150].

перспективу, но может стать и самостоятельной силой текстового развития, обуславливая рематическое развитие текста, аспектацию названного объекта, характер введения новой информации. Актуализация исходного метафорического значения – одновременно актуализация исходного метафоризирующего фрейма, его элементов. Один из механизмов развертывания текста по модели, задаваемой метафорой, – это механизм выведения в рематические позиции развертываемого текста элементов, «задаваемых» элементами фрейма, введенного в текст образом-основанием метафоры метафоризирующего фрейма.

С позиций восприятия текста такие фрагменты интерпретируются как прием оживления метафоры. С позиций порождения текста отношения метафорического исходного образа и последующих элементов текста интерпретируются по-иному: метафорические структуры направляют развитие образной структуры текста. Модель такого влияния исходного метафорического образа на последующее структурирование текста можно проследить на примере приводимого ранее использования В. Набоковым метафорических образов *страсти как огня, жара*.

Поддержка данного проекта была осуществлена Программой «Межрегиональные исследования в общественных науках», Институтом перспективных российских исследований им. Кеннана (США), Министерством образования Российской Федерации за счет средств, предоставленных Корпорацией Карнеги в Нью-Йорке (США), Фондом Д. и Кэтрин Т. Макартуров (США) и институтом «Открытое общество» (фонд Сороса). Точка зрения, отраженная в данном документе, может не совпадать с точкой зрения вышеперечисленных благотворительных организаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разуме // Лейбниц Г.В. Сочинения. – М.: Мысль, 1982.
2. Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 780 с.
3. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. – Ч.1. – М.: Учпедгиз, 1960. – 387 с.
4. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М., 1987. – 462 с.
5. Кожевникова Н.А., Петрова З.Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX – XX вв. – Вып.1: «Птицы». – М.: «Языки русской культуры», 2000. – 480 с.
6. Керлот Х.Э. Словарь символов. – М.: «REFL-book», 1994. – 608 с.
7. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивные исследования политической метафоры (1991 – 2000) / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.
8. Резанова З.И. Функциональный аспект словообразования: Русское производное имя. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. – 219 с.
9. Кожевникова Н.А. Метафора в поэтическом тексте // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – 176 с.